

Валерий Шумилов
ДЕНЬ ПОСЛЕДНИЙ
Мировая революция товарища Сталина

Минск пал. 28 июня танковые группы Гота и Гудериана замкнули кольцо окружения вокруг Западного фронта.

А на следующий день, 29 июня, после столкновения с военными в Наркомате обороны стало ясно, что рухнуло все. Все надежды, все планы, вся многолетняя кропотливая работа – все.

Этот день стал для *него* последним днем. Последним днем *его* мечты.

Преыдущие семь дней, до того как начальник Генерального штаба послал его по матушке, бывший выпускник Тифлисской духовной семинарии все еще надеялся на чудо. Чуда не произошло.

Вместо этого забывшиеся военные кричали на него и на членов Политбюро: «Мы должны в первую очередь думать о том, как помочь фронтам, а потом уже информировать вас!» А в их глазах Сталин видел боль и отчаяние. И эти чувства перекрывали страх.

Выходя из Наркомата, Сталин не сдержался и в сердцах бросил: «Ленин оставил нам пролетарское государство, а мы его пр...»

Шедшие рядом с ним Молотов, Берия и Маленков, услышав эти слова, вжали головы в плечи.

Гневно махнув на них рукой, Сталин сел в машину и поехал в Кунцево.

Он ощутил перелом этого дня.

Минск пал. Контрнаступление Красной Армии захлебнулось. В окружение попали сотни тысяч красноармейцев трех армий прикрытия Западного особого военного округа.

Чуда не было и не могло быть. Бог (если Он есть!) не мог же, в самом деле, помогать большевикам, укравшим у Него идею Золотого города – тысячелетнего царства людей.

А в этот момент товарищ Сталин верил в Бога.

Благими намерениями...

У него были благие намерения. И – вот...

...Минск пал. А вместе с его падением пала и великая мечта, двадцать лет вынашиваемая революционным авангардом планеты Земля – большевистской партией, мечта о земшарной республике Советов.

Зачем?..

Сталин резко отвернулся от окна, плотно закрытого, несмотря на жаркий летний день, и медленно неровной покачивающейся походкой направился по тонкой дорожке длинного ковра к двери. Остановился, потом повернул обратно. Ходьба успокаивала. Это было его давней привычкой – во время ходьбы было легче думать.

Минск пал... Но его падение еще не означало падение Страны Советов...

Те слова, которые Сталин сказал у входа в Наркомат обороны, имели отношение не к СССР, а совсем к другой стране...

Пролетарский Советский Союз боролся. Погибло мировое пролетарское государство. То самое, которое Сталин сотоварищи строили в своих планах. Государство сорока пяти республик.

Два класса сошлись в смертельном бою!
Наш лозунг – Всемирный Советский Союз! –

слова «Гимна Коминтерна» можно было списать в архив. По крайней мере, еще лет на десять.

А там? Будет ли у *него* времени там?

Мировой Интернационал споткнулся о национал-социалистическую мечту о мировом господстве.

Два Рима пали, а третий стоит, и четвертому не быть, и этот Третий Рим теперь встал на пути Третьего Рейха.

Тысячелетний Рейх против тысячелетнего Царства Божия на Земле...

Сталин вдруг с раздражением и удивлением подумал, что впервые за много лет, чуть ли не со времен брошенной им семинарии, рассуждает не как марксист, а как явный идеалист, и не с материалистических позиций, а с самых что ни на есть теологических.

Впрочем, разве они не были идеалистами, эти мировые революционеры?

Ведь мировая революция – это уже чистая теология. Хотя бы с точки зрения конечной цели...

Мировая революция? Зачем она была нужна?

Сталин думал.

Кому она была нужна?

Сталин постучал трубкой о массивную бронзовую пепельницу, чтобы выбить остатки сгоревшего пепла, переломил несколько длинных трубочек «Герцеговины Флор», пересыпал табак в трубку, неторопливо приминая его большим пальцем.

Для чего она была нужна?

Сталин чиркнул спичкой, некоторое время задумчиво глядел на разгорающийся огонек и, не торопясь, раскурил трубку.

А вот для чего – чтобы не было:

богатых и бедных, угнетения человека человеком, преступления человека против человека, развращающей людей морально частной собственности, войн между государствами, самих государств – аппаратов угнетения.

Будущее должно было быть счастливым... И люди должны были быть в этом будущем – другие. Новые неиспорченные грехами старого мира люди.

Словно люди в Эдемском саду до первородного греха.

Теология...

Сталин нахмурился.

Враги говорили, что большевики строят Город Солнца, но у входа в этот город стоит плаха.

Да, плаха, потому что революция лишь тогда чего-либо стоит, если умеет защищаться. Потому что если не умеет – она не стоит тех потоков крови, которые проливает.

Плаха, потому что люди испорчены и даже пролетарии с трудом поддаются перевоспитанию-перековке против разлагающего влияния личного достатка, предоставляемого им буржуазным миром. И совсем уж не поддаются перевоспитанию: эксплуататоры (буржуазия, аристократия, священство, а также все их потомство, которое, вырастая, идет по стопам своих отцов); наемники эксплуататоров (чиновники непролетарских государств, военные, так называемые интеллигентно-культурные слои, а также всевозможные штрейкбрехеры); простые обыватели, зараженные мещанским духом (а это уж не большинство ли населения?). Все они должны быть уничтожены *как класс*.

Уничтожены физически или *опролетаризированы*.

Я знаю: только советская нация будет

И только советской нации люди...

И больше не будет разных народов. Народ будет один – пролетариат.

Одна страна – один класс – один народ – счастье для всех...

А Гитлер?

Сталин поперхнулся дымом и закашлялся: а Гитлер хочет не того же? Только с другого конца: одно мировое государство – и никаких войн – только порядок! Триста миллионов господ и полтора миллиарда рабов? Или и рабов не будет – черные, желтые, славяне, все немцы будут уничтожены? Невероятно, чтобы германский диктатор заходил бы так далеко в своих планах, но в них товарища Сталина пытались уверить некоторые бежавшие из рейха евреи.

Жертвы почти поровну. У нас – сотни миллионов и сотни миллионов – у них. У нас – единое человечество всемирного пролетариата и у них – единое человечество арийской расы. С той лишь разницей, что эксплуатация сохранится и у них...

Утопия? Сталин никогда так не считал. Этой *утопии* он служил вот уже сорок лет.

Мировая революция должна была отличаться от всех прошлых восстаний и мятежей: вооруженная пролетарским марксизмом, она, загоревшись в одной стране, должна была тут же перекинуться в соседнюю и далее, как по цепной реакции, – охватить весь земной шар.

Первой пала Россия. Но дальше не получилось – натиск Мировой революции был остановлен прямо на сильно урезанных границах бывшей Российской империи. Ее очаги в Германии и Венгрии, вспыхнув, тут же были потушены.

Что оставалось?

Все было очень просто. Седьмая часть суши и одна тринадцатая человечества противостояли всему остальному миру.

Одна нищая страна против двухсот больших и малых государств, два десятка индустриальных гигантов из которых просто неизмеримо превосходили Россию в материально-техническом отношении.

СССР был просто большой аграрной Румынией, представлявшим опасность разве что для Польши.

За десять лет надо было пробежать сто...

И они это сделали... Сталин это сделал: чтобы провести индустриализацию, нужна была коллективизация: необходимо было иметь послушную деревню и главное богатство аграрной страны, которое можно было предложить на экспорт, – хлеб.

Сколько миллионов погибло? От голода во время коллективизации, сколько потом – в лагерях, сколько было расстреляно врагов нового строя, заговорщиков, а также недовольных, ставших *врагами народа*? Были в своем большинстве уничтожены и все так называемые *старые большевики*, бывшие революционеры, ставшие контрреволюционерами: зиновьевцами, каменевцами, бухаринцами, троцкистами, рютинцами, – а точнее – антисталинцами, так и не понявшими, что единственное спасение страны, Мировой революции и самой Доктрины Всемирного Коммунизма заключалось в генеральной линии. Сталин усвоил уроки Французской революции: Робеспьер погиб, потому что не сумел разбить своих врагов поодиночке, а объявил им войну всем сразу, – в результате потерпел поражение и революция кончилась. А враги его, кстати, тоже все были бывшими видными революционерами, прямо как старые большевики, которые, сначала оказав немало услуг Русской революции, позже, переродившись, повели ее к гибели. Но Сталин не был Робеспьером – и Русская революция, как Сатурн, пожрала своих детей. Кроме него.

Но стоила ли Мировая революция таких жертв?

Подойдя к столу, Сталин стукнул по нему кулаком: не Мировая революция – выживание! Если бы СССР вступил в мировую войну с одной винтовкой Мосина, как Российская империя вступила в империалистическую войну, шансов у нее не было. Как не было шансов у панской Польши, аграрной Венгрии или Румынии противостоять механизированному агрессору.

А сейчас? Ведь немцы вошли в Минск на седьмой день войны...

Почему?

Гитлер опередил – застал советские армии и корпуса в полуразобранном состоянии, двигавшимися и сосредотачивающимся у границы в наступательные группировки. Не подготовленными к обороне и не успевшими перейти в наступление. Теперь немцы били их по частям.

Сталин опоздал.

Теперь Германия на весь мир трубила о том, что она опередила Советскую Россию в стратегическом развертывании войск, что она нанесла превентивный удар (это было заявлено еще в ноте германского правительства об объявлении войны, врученного утром 22 июня Молотову немецким послом Шуленбургом). Мир не верил, как, естественно, не верил и советский народ.

Сталин был удивлен. Из реакции на нападение фашистской Германии, представшей всему миру как ничем неспровоцированная агрессия, он понял, что в случае действительного нападения СССР на Германию агрессором в самом худшем виде могли бы представить саму Советскую Россию. Но почему?

Да, Сталин и высшее руководство РККА планировали начать превентивную войну против фашистской армии 12 июня 1941 года, но потом перенесли дату на вторую половину июля – начало августа: не укладывались в графики железнодорожные перевозки, а также запаздывало доукомплектование передового эшелона войск. А тут еще и майский перелет заместителя фюрера Гесса в Англию насторожил: а ну как фашист договорится с коварным Альбионом, который сейчас возглавлял старый антисоветчик Черчилль? И в момент перехода Рабоче-Крестьянской Красной Армии в наступление в Европе образуется единый антисоветский фронт с Германией и Англией во главе? А как же! – ведь СССР, нанеся превентивный удар, будет выглядеть в глазах всего мира чистым агрессором!

Сталин уперся в стол невидящими глазами: разве СССР был бы не прав, если бы напал первым? Какой у советского государства еще оставался выход? Готовить оборону на укрепрайонах и ждать, как Франция, нападения сильнейшего противника? Ну, пусть бесноватый бы не напал, но что было бы дальше? Гитлер прибрал бы к рукам остатки Европы, Англию, колонии, совместно с Японией прикончил бы США, а потом, имея в распоряжении ресурсы четырех континентов, и с армиями-сателлитами всех стран мира со всех сторон обрушился бы на СССР. – Конеч!

Разве что Гитлер удовлетворился бы одной Европой, включая Англию (или замирился бы с нею). Но можно ли тогда представить совместное существование огромной всеевропейской фашистской империи и Страны Советов?

И еще. Разве это не было бы их долгом, долгом мирового коммунистического движения, поставившего перед собой цель освобождение людей труда от цепей капитала, — да что там говорить! — долгом просто честных людей, восстающих против любого насилия человека над человеком! — освободить попавшие под ярмо фашистского рабства европейские страны? Без всяких высоких слов — в рабство: немцы обращались с оккупированными народами, как с колониальными туземцами.

Что же, они должны были трусливо сидеть за укреплениями и дрожать, а Германия продолжала бы строить свою рабовладельческую империю, убивая, сжигая, уничтожая?... Слабоумные ляхи отказались от союза с СССР («С немцами мы потеряем свободу, с русскими — душу»), — так, кажется, сказал один из этих польских недоумков?) и вот: немцы несчетно убивают поляков, охотятся за остатками польской интеллигенции, по планам нацистской Германии территория Польши вообще должна быть очищена от славянских недочеловеков! Отвергли руку помощи Сталина — получите топор Гитлера. За что, как говорится, боролись...

Впрочем, это относится и к нему, товарищу Сталину. Что хотел сделать — получил сам: нападение...

Реалии начавшейся войны показывают: даже приведя войска в полную боевую готовность и создав глубокоэшелонированную оборону (насколько это было возможно на трехтысячекилометровом фронте!), советские войска все равно не сдержали бы немцев и были бы разрезаны вклинившимися во фронт танковыми армиями противника (как это было в Польше и во Франции). Вот разве что потерь было бы меньше, но отступить все равно бы пришлось. Сталин был прав (и с ним был согласен и Генеральный штаб РККА) — только нанесение первого удара гарантировало войскам первого эшелона возможность избежать разгрома.

Прав тот, кто ударит первым...

Убедившись в провале миссии Гесса, подготовка к превентивной войне стала проводиться прямо-таки лихорадочными темпами. Но никто просто не думал, что Гитлер решится на авантюру...

Авантюру, потому что Германия не могла воевать на два фронта, а теперь, не окончив войны с Англией, вступила в войну с Россией.

Авантюру, потому что единственная возможность выиграть войну с СССР (если она вообще была) не могла проводиться в рамках одной стратегической кампании (это Сталин усвоил твердо): победить Россию до зимы было невозможно; даже дойти до Москвы было нельзя прямым ударом из Белоруссии, не разгромив южную и северную миллионные группировки советских войск, в противном случае наступающие на московском направлении вражеские войска попадали бы под фланговый удар; единственным вариантом возможного выигрыша войны оставались «стратегические клещи» — в первой кампании (на Киев и Ленинград) и удар в центре — на следующий год, — но сумасшедший Гитлер повел наступление сразу по всем направлениям!

Авантюру, потому что по всем каналам информации сил Германии для победы над российским колоссом было катастрофически недостаточно: 23 тысячам советских танков и 20 тысячам советских самолетов противостояло в лучшем случае 10 тысяч немецких танков (с союзниками) и 10–13 тысяч боевых самолетов (с союзниками). РККА имела громадное превосходство в артиллерии, в самозарядных автоматических винтовках, а также уникальные образцы новейшей техники, еще отсутствующие в вермахте. Разве что количество немецких дивизий (200–240 с союзниками против 170 в западных округах) могло вызывать беспокойство, но общее количество советских дивизий (около 400)¹ и запланированная многомиллионная мобилизация легко сводили на нет германское преимущество.

И то: разве за первую неделю войны в Красную Армию не было мобилизовано около пяти миллионов человек в дополнение к уже имеющимся миллионам? Гигантские потери первых восьми дней войны не составили пока и тридцатой части всех мобилизованных

¹ Реальные данные разведки, которые только и мог знать Сталин в 1941 г.: сильно завышая численность вермахта и его вооружения, советские военачальники не испытывали особого беспокойства: все равно преимущества РККА в вооружении казались им неоспоримым.

сил (зря фашисты трубят о победе!). Куда тяжелее были потери техники, но и их можно было бы пережить, если бы не крах самого плана превентивной войны.

Если бы не крах плана Мировой революции...

В начале июня у Сталина начали сдавать нервы. Внутренний голос никогда не ошибающегося до этого политика все чаще и тревожнее напоминал: «Не пора ли? Не опоздай! Отдай приказ о начале “Грозы”!» Он гнал от себя мысль о возможном нападении достаточно хилых (по сравнению с мощью РККА) немецких сил у границы и считал, что время у него еще есть.

Он не послушался этого своего внутреннего голоса. А так хотелось отдать тот приказ – «Гроза!» В бой! В бой – 20 мехкорпусов (задуманы, как «тысяча танков в одном кулаке» – каждый сравним с немецкой танковой армией)! В бой – 22 армии двух стратегических эшелонов! В бой – на Варшаву, на Берлин, на Бухарест, на Вену, на Прагу, на Париж! В сентябре *его* танки (он был уверен в этом) вышли бы уже к Атлантическому океану.

Мировая революция охватила бы всю Евразию.

Что дальше? Опасная, как союзник Гитлера в случае затяжной войны в Европе, Англия оказалась бы совершенно беспомощной, когда советские танки встали бы у берегов Ла-Манша. Рано или поздно она пала бы, не устояв против объединенных флотов советской Европы. На очереди была бы Азия, Китай, из которого пришлось бы выбить Японию. А потом – Америка, США.

Мировая мечта человечества о золотом веке была близка к осуществлению.

Сталин уже давно понял, что первый откат Мировой революции в начале двадцатых годов, когда от нее уцелела одна Россия, поставил ее на грань поражения: теперь, имея перед глазами пример СССР, развитые страны ни за что не допустили бы повторения этих событий у себя дома (и везде в случае нестабильности и беспорядков к власти тут же приходили фашистские диктатуры). Революции же в аграрных и «туземных» странах совершались на протяжении тысячелетий, не приводя к глобальным переменам.

Для единственного в мире государства рабочих и крестьян России – штаба Мировой революции – оставался единственный выход – Мировая война. Война, которая позволила бы осуществить экспорт революции в другие страны силой пролетарского оружия.

И вот эта революционная война была проиграна Гитлеру.

Сталин просчитался: промедлив с нападением (и спасением мира от фашизма!), он дал бить войска Красной Армии по частям. Попытки первых семи дней исправить положение контрударами всех имеющихся сил (Сталин помнил о советском техническом превосходстве и надеялся на него!) ничего не дали, – миллионы марширующих немцев нельзя было остановить, – и вчера, 28 июня, стало известно, Минск в руках у фашистов.

Революционную войну начать так и не удалось. Начиналась война Отечественная, в которой должен был проиграть Гитлер.

Теперь со словами о начале Отечественной войны надо было обратиться к народу...

И надо будет объяснить народу, почему Красная Армия, столько лет готовившаяся к этой войне, терпит поражение...

«Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!» – рука Сталина, держащая перо-самописку, остановилась, – он вдруг подумал, что согласно *канонам* после этого невероятного, почти молитвенного обращения к *братьям и сестрам* он должен был бы перейти к *покаянию*, и злобно ухмыльнулся себе в усы.

«Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу Родину продолжается...» – продолжала между тем выписывать его рука.

Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза Иосиф Сталин окончательно пришел в себя.

Он принял решение.

Не он начал эту войну, но он закончит эту войну так, как он хочет.

Он освободит европейские народы от фашистского ига.

А затем будет продолжение. Потом. После того, как закончится эта война. Советский Союз снова поднакопит силы и вновь перейдет в наступление со своими европейскими союзниками, освобожденными от оккупантов (и от собственных капиталистов). Пусть это будет не сейчас, не в сорок первом. Может быть, в сорок пятом. Или в сорок восьмом.

Но сначала надо разбить Гитлера.

Разбить Гитлера и обезопасить себя от внутренней оппозиции, которая сейчас опять может поднять голову, воспользовавшись неожиданным поражением Красной Армии.

Эти военные... Сами придумали: «Малой кровью! На чужой территории!» А пришла беда – товарищ Сталин виноват? Как они смотрели на него в Наркомате обороны эти трое: Тимошенко, Жуков и Ватутин... Чуть ли не как на виновника случившегося на границе. Если не хуже... Но разве не они, а он – военный руководитель Красной Армии?

Сегодня же Сталин разъединит эту троицу. Наркома Тимошенко направит командующим Западным фронтом (только позавчера назначенный Еременко покомандовал, стало быть, только один день, но ничего, перетерпит). Заместитель начальника Генштаба Ватутин отправится начальником штаба Северо-Западного фронта. Жуков... Жукова пока можно оставить. Через недели две он тоже отправит его в войска.

Теперь – соратники... Берия, Микоян, Каганович, Маленков, Вознесенский, другие. Они тоже в смятении. Маловероятно, что они могут сорганизоваться против него (при той системе, что создал Сталин, это было почти невозможно). Но все-таки следует дать народу *истинных виновников поражения* – командование Западного фронта, столь бездарно сдавшее столицу Белоруссии, а соратников сплотить вокруг единого высшего органа – Государственного Комитета Обороны. Этот орган тоже будет создан сегодня...

Сталин задумался и услышал в своих ушах тишину.

А потом вдруг различил неторопливые шаги по длинному коридору дачи. Шли члены Политбюро. Шли к нему. И он надеялся, что они не будут откупаться его головой.